

Бродячие

В. МИНАЕВ, Е. КАЗАРИНА

Самым большим резервуаром, откуда японская разведка черпала свои агентурные кадры, были деклассированные элементы. Подонки общества, тесно связанные с преступным миром, поставляли японской разведке представителей самых различных «профессий» — убиец, громил, воров, сутенеров, бандитов, шулеров и просто искателей приключений. Среди них было немало закоренелых преступников, имевших не одну судимость. В Японии вся эта «публика» известна под именем ронинов (бродячих самураев) или соси (лихих людей).

Вот как О'Конрой в своей известной книге «Японская угроза» характеризует соси: «Соси — это профессиональные бандиты, которых может нанять кто угодно. Их иногда содержит определенная фирма. Они вымогают взятки, выступают в качестве штрейкбрехеров, частных согладатаев. Большинство из них опытные борцы, знакомые с приемами дзюджитсу; они не гнушаются даже убийствами при условии хорошей оплаты. Это частные японские палачи; их оружие — пытка; они — продукт гой порочности, которая получила такое широкое распространение по всей империи».

Ронины, подобно воронью, стаями устремлялись туда, где назревала какая-либо новая кровавая авантюра. Они всегда были зловещим предвестником японской агрессии, ее тайным авангардом. В 1931 году десятки тысяч ронинов появились в Маньчжурии. Они сыграли большую роль в подготовке ее оккупации японскими войсками. Любой из ронинов без малейших колебаний соглашался стать шпионом, провокатором, диверсантом.

Становясь агентом японской разведки, ронин не бросал своих прежних занятий, тем более, что они нередко служили ему прекрасной маскировкой.

За пределами Японии, на иностранной территории, ронины выступали в качестве продавцов наркотиков, содержателей публичных домов или игорных притонов, фальшивомонетчиков и т. п. Среди ронинов существовала, так сказать, «специализация». Имелись «русские» и «китайские» ронины; первые вели подрывную работу против Советского Союза, вторые — против Китая.

Любой ронин, отличившийся на поприще служения японскому империализму, независимо от тяжести груза своего темного прошлого, мог свободно занять важнейший государственный пост или сделаться самым прославленным в стране человеком.

Одним из «соси», ставшим «национальным героем» Японии, был капитан Амакацу. Амакацу приобрел широкую известность, когда, будучи офицером японской армии, совершил зверское убийство семьи бывшего учителя Осуджи. Престарелого педагога оклеветал его сосед, написавший на него донос, будто учитель и его семья — жена и десятилетний

Продолжение. Начало см. «Современный Восток» № 2 за 1961 год (В. Минаев, Е. Казарина, «Козни Черного Дракона»).

самураи

Рисунок И. Блиоха

племянник — не лоялен по отношению к императору. По этому доносу полиция арестовала и посадила в тюрьму всех троих. Капитан Амакацу «навестил» арестованных в их тюремной камере. Он предстал в роли доброжелателя, тепло побеседовал со стариком, говорил, что добьется их освобождения; затем, ласково похлопав бывшего учителя по плечу, Амакацу задушил его, потом — женщину и ребенка. Даже для японской действительности того времени поступок капитана Амакацу был беспрецедентен по своей жестокости. Одна из крупнейших японских газет, рассказав об этом преступлении, констатировала: «Нет сомнения, что капитан Амакацу — национальный герой».

Однако военная карьера капитана все-таки оборвалась. Он был арестован, правда, не надолго и уволен из армии. Тогда Амакацу стал ронином и затем секретным агентом японской разведки. В конце 1931 года он появился в Маньчжурии. «Специальная служба» Квантунской армии отнеслась с должным почтением к столь прославленному «герою». Ему сразу было дано ответственное задание — организовать антисоветскую провокацию в Харбине, чтобы создать предлог для вступления туда японских войск с целью «охраны жизни и имущества» японских подданных. Несколько белогвардейских бандитов, руководимых Амакацу, подбросили бомбы в здания японского консульства, японского банка и других японских учреждений. Бомбы, конечно, не разорвались, что и не входило в планы провокаторов, но «инцидент» был создан. Японская печать завопила о «большевистском заговоре» и необходимости оккупации Харбина.

После этого «успеха» слава Амакацу еще более упрочилась. Японская разведка поручила ему «охрану безопасности» императора Манчжоу-Го Пу И. Выдвигая Амакацу на пост начальника личной охраны этого марионеточного правителя, второй отдел штаба Квантунской армии, несомненно, учитывал не столько его харбинскую операцию, сколько хладнокровие, проявленное при убийстве семьи Осуджи. Руководители японской разведки в Маньчжурии сочли необходимым на «всякий случай» иметь в окружении Пу И убийцу. Когда они убедились в том, что Пу И достаточно «благоразумен», Амакацу получил другое назначение. Он стал одним из руководителей созданной в Маньчжурии общегосударственной шпионской организации под названием «Кивокай» («Общество гармонии и дружества»).

Комаи Токудзо — еще более яркий «деятель», вышедший из среды соси. Биография этого крупного политического и уголовного авантюриста представляет значительный интерес. Даже японская печать стыдливо умалчивала о жизни Комаи до 1931 года, когда он выплыл на волне маньчжурской авантюры. Одно бесспорно: его прошлое было до крайности темно и преступно. В течение десяти лет Комаи работал в «Исследовательском бюро» ЮМЖД. И даже руководители этой широко известной шпионской организации, при всей своей невзыскательности к репутации и деяниям своего персо-

нала, вынуждены были отказаться от услуг Комаи — настолько одиозной стала его фигура. Он был настоящим виртуозом в изобретении всяческих мошеннических комбинаций, которые непрерывно сочетал со своими шпионскими обязанностями.

За годы службы в ЮМЖД Комаи вдоль и поперек изъездил Маньчжурию и сделался опытным и изворотливым разведчиком. После того как ему пришлось уйти из концерна ЮМЖД, его охотно использует японская военная разведка. Как сообщала одна китайская газета, весной 1931 года Комаи, находившегося тогда в Чанчуне, посетил представитель генерального штаба из Токио некий майор Тагаки. Газета утверждала, что при встрече они во всех деталях обсудили участие Комаи в подготовке захвата Маньчжурии. Вскоре после отъезда Тагаки Комаи стал «экономическим советником» штаба Квантунской армии.

Действительно, благодаря прекрасному знанию местной специфики, многочисленным связям и способностям прирожденного шпиона Комаи оказался неоценим для японской военной разведки в период оккупации Маньчжурии. Впоследствии выяснилось, что некоторые мероприятия японской разведки в то время, в частности разработка захвата резиденции Чжан Сюэ-ляна, были плодом его изобретательности.

В начале сентября Комаи неожиданно выехал в Японию, а 18 сентября японские войска начали свое вторжение в Маньчжурию. Вскоре этот бродячий самурай, шпион и авантюрист, как по мановению волшебного жезла, сделался управляющим делами «правительства» Манчжоу-Го, и ему вверили всю полноту гражданской власти в захваченных провинциях Китая.

Однако Комаи не долго продержался на своем высоком посту. Почувствовав себя господином положения, он с головой окунулся в различные аферы, взяточничество и злоупотребления таких грандиозных масштабов, что хозяева были вынуждены удалить его за кулисы того театра марионеток, на сцене которого он играл главную роль.

Ронины были основным резервом, из которого японская разведка вербовала свои контингенты массовой агентуры, насаждавшейся за границей под видом японских иммигрантов.

Японская разведка комплектовала свои агентурные кадры также из среды буржуазной интеллигенции, средней и крупной буржуазии. Отдельные представители этих групп получили даже известность в связи со своей агентурной деятельностью по заданиям японской разведки.

Поэт и писатель Ногучи Ионе с исключительным усердием изучал один из диалектов Индии, чтобы затем ряд лет заниматься в этой стране пропагандой паназиятизма и вербовкой шпионов среди местной интеллигенции. Другой японский писатель Симэй Футабатэй оказался не менее настойчивым лингвистом. Он овладел русским языком, но не только для перевода на родной язык творений классиков нашей литературы. В русско-японскую войну Симэй прославился как опытный диверсант, действовавший в тылу русской армии.

Ученый-филолог Куроно Иосибуми, выходец из богатой самурайской семьи, в течение восемнадцати лет занимался шпионажем в России. Он был профессором кафедры японского языка в столичном университете. Со своим ассистентом он составил «Военный русско-японский толмач», служащий ярким образцом того, как специальность филолога может быть использована для целей разведки,

Куроно прекрасно понимал, насколько остро в случае войны с Японией будут нуждаться русские войска, и прежде всего их разведывательные органы, в хорошем русско-японском военном разговорнике. Поэтому он не только приложил все усилия к тому, чтобы максимально извратить перевод русских слов на японский язык в смысловом и фонетическом отношениях, но и превратил некоторые японские слова в составленном им «толмаче» в своего рода пароль для распознавания русских разведчиков. Во время русско-японской войны это «пособие» по японскому языку явилось причиной гибели многих русских разведчиков.

На истинную цель его указал выступивший в печати офицер царской армии Завадский-Краснопольский (сам хорошо владевший японским языком). «Когда я писал свои статьи... — с горечью констатировал он, — то передо мною стояла фигура Василия Рябова, героически погибшего 17 сентября 1904 года. Мне вспомнилась неудачная разведка Суркаска, при которой он недоумевал, как могли узнать японцы своих врагов. Во время разведки одним русским солдатом было сказано слово «токибан» (переведенное Куроно как «часовой», но в таком толковании не фигурирующее ни в одном из словарей), и наш разведчик... был пропущен в передовую линию. Только тогда, когда за первым солдатом последовал и второй, японец выстрелил, и разведка не удалась. Так же был пропущен сквозь передовую линию Василий Рябов, так же были пропущены и многие другие, погибшие на полях далекой Маньчжурии. Выучив несколько слов из неверных «толмачей» японской работы, они проходили через передовую линию с тем, чтобы не возвращаться».

Крупными шпионами были такие солидные представители японских деловых кругов как Исихара Койсиро и Сенда Муротаро. Первый — крупный коммерсант — действовал в Малайе, а второй, прозванный «джутовым королем» Калькутты, занимался вербовкой молодых индийцев, которых отправлял в Японию, где они получали специальную подготовку.

Широко использовала японская разведка в качестве тайных агентов офицеров армии и флота.

Японские офицеры часто посылались за границу в секретные командировки, иногда бывавшие очень длительными. Каждый офицер, которому давали агентурное поручение, отзывался из части или того военного учреждения, где он работал, и числился на это время «прикомандированным к генеральному штабу».

Резко бросающиеся в глаза расовые признаки японцев, а также особенности их произношения сильно затрудняли использование разведчиков-японцев за рубежом. Это относится не только к странам, населенным представителями белой расы, но и ко всей Восточной Азии, хотя японцы усердно рекламировали свое этническое родство с населяющими ее народами. Внешние признаки, свойственные японцам, позволяют довольно легко отличать их от местных жителей не только европейских, но и большинства азиатских стран. Всякий, кто долго жил на Востоке, сразу отличит японца от китайца.

Поэтому японская разведка особенно старалась вербовать иностранцев. Одной из главных задач японской разведки всегда являлось создание широкой агентурной сети из местного населения разведываемой страны.

(Продолжение следует)

монстранты требовали смены правительства, проведения всеобщих выборов, улучшения условий жизни.

Французские власти до последнего времени вслестически скрывали истину о положении коренных жителей страны. Они создали легенду о «процветании» Габона, якобы достигнутом при колониальном режиме. Однако положение габонских рабочих, получающих 135—175 франков в день, далеко от процветания. Отнюдь не прекрасна и жизнь крестьян, вынужденных выращивать на экспорт какао, кофе и арахис, в то время как стране не хватает продовольствия — оно ввозится из-за океана. Недаром в одном из своих выступлений в конце прошлого года премьер-министр Леон Мба отмечал низкий уровень жизни населения республики. Да и сами европейцы порой заявляют, что многие габонцы как жили, так и живут «на уровне, близком к биологическому существованию»...

— Вставай на борьбу против жандармской дубинки, занесенной над твоей головой, против караулящего тебя хлыста, против губернатора, что хотел бы сделать из Африки гигантскую тюрьму! — призывал своих соотечественников поэт Муру Бен Дауда. — Вступай в борьбу против тумана лжи, черной тучи эгоизма, против предательства и трусости!

Борьба габонского народа, поддержанная могучей силой общеафриканского движения за свободу и прогресс, принесла свои плоды. В мае 1960 года парламент страны принял решение послать в Париж делегацию для переговоров с правительством Франции о предоставлении независимости Габону.

В результате переговоров 15 июля 1960 года в Париже были подписаны соглашения, в которых определялись условия предоставления Габону независимости в рамках «обновленного» Французского сообщества. Соглашения эти, как известно, сохраняют зависимость бывшей колонии от Франции, особенно в области экономики. Тем не менее достижение независимости и принятие Габона в члены Организации Объединенных Наций открывают перед его народом новые перспективы и возможности.

Официальное провозглашение независимости молодой африканской республики состоялось в ночь на 17 августа 1960 года. Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев направил главе правительства Габонской республики Леону Мба поздравительное послание. «Будучи последовательным сторонником права народов на самоопределение и свободное национальное развитие, — говорится в послании, — Советский Союз торжественно заявляет о своем признании Габонской республики в качестве независимого государства и выражает готовность установить с ней дипломатические отношения и обменяться дипломатическим представительством». Премьер-министр Габонской республики Леон Мба обратился к Н. С. Хрущеву с ответным посланием, в котором выразил благодарность за добрые чувства в отношении Республики Габон.

* * *

Каким путем пойдут молодые африканские государства, недавно получившие независимость? Ответ на этот вопрос может дать изучение практических мероприятий этих государств в области внутренней политики и отношения их к насущным проблемам современной международной жизни.